

Т.В. Новикова

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАСКРЫТИЮ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПА НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ

Исследуется тест наиболее близкой и реальной связи в английской судебной практике и закрепление принципа наиболее тесной связи в нормах международного частного права Российской Федерации и иных государств-участников СНГ, а также на уровне Европейского Союза. Обосновывается главенствующее значение территориального подхода, предлагается выделять принцип наиболее тесной связи в узком (территориальном) и широком (территориальном, обогащенном материально-правовыми факторами) смыслах.

Ключевые слова: принцип наиболее тесной связи; территориальный подход; территориальная локализация; материально-правовой подход; материально-правовые факторы; коллизионно-правовое регулирование.

Введение

Принцип наиболее тесной связи отражает стержневую идею международного частного права, состоящую в отыскании для частноправового отношения с иностранным элементом наиболее тесно связанного с ним правопорядка. В международном частном праве Российской Федерации анализируемый принцип выполняет функции общей резервной коллизионной привязки (п. 2 ст. 1186 ГК РФ [1]), резервной привязки в случае отсылки к праву страны с множественностью правовых систем (ст. 1188 ГК РФ), специальной привязки для смешанного договора (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договора в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ), а также корректирующей оговорки для договоров, регламентируемых пп. 1–8 ст. 1211 ГК РФ (п. 9 ст. 1211 ГК РФ). При этом, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, решающее значение для определения наиболее тесной связи имеет выявление преобладающей территориальной связи «различных элементов правоотношения» (п. 6 Постановления [2]).

Наименование и ключевой вопрос «территориального» подхода

В научной литературе указанный подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи именуется как территориальный, или коллизионный [3. С. 301–302]. Последнее наименование объясняется тем, что «данный подход предлагает суду учитывать сугубо коллизионные нормообразующие факторы» (противопоставляемые факторам материально-правового характера [3. С. 301]). Мы полагаем, что в современных условиях широкого распространения общей тенденции к материализации международного частного права и, соответственно, к внесению непосредственно в коллизионные нормы материально-правовых соображений наименование «коллизионный» для анализируемого подхода не является удачным.

В качестве одного из примеров проникновения материально-правовых факторов в привязки коллизионных норм укажем следующий. Пункт 3 ст. 1199 ГК РФ, устанавливая для отношений между опекуном (попечителем) и лицом, находящимся под опекой (попечительством) генеральную привязку к праву страны, учреждение которой назначило опекуна (попечителя),

вместе с тем, делает следующую оговорку: «Когда лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства в Российской Федерации, применяется российское право, *если оно более благоприятно для этого лица*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Т.Н.). Таким образом, если опекуна (попечителя) назначило учреждение иностранного государства, а лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства в Российской Федерации, выбор коллизионной привязки, отсылающей к иностранному либо российскому праву, в соответствии с п. 3 ст. 1199 ГК РФ потребует от отечественного суда содержательного анализа материально-правовых норм об опеке (попечительстве) иностранного и российского права, а также их сравнения на предмет благоприятствования лицу, находящемуся под опекой (попечительством).

По этой причине, а также принимая во внимание, что термин «территория» используется для обозначения одного из центральных признаков государства, мы предпочитаем именовать анализируемый подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи именно как «территориальный». Так, М.В. Антонов указывает территорию в числе трех характерных признаков, «по которым по устоявшейся с XIX в. традиции принято описывать содержание понятия “государство”» [4. С. 96]. Р.Л. Иванов, ссылаясь на работы Г. Еллинека, Н.Н. Алексеева, Е.Н. Трубецкого, тоже констатирует, что «территорию принято считать существенным признаком (элементом) государства наряду с образуемыми им органами публичной власти и его населением (народом)» [5. С. 6]. При этом другое возможное наименование «географический» уступает наименованию «территориальный» по той причине, что при локализации правоотношения речь идет не о «природных условиях Земли, ее населении, экономических ресурсах и материальном производстве», а именно о территории – «пространстве в определенных границах»¹, с которым связаны какие-либо события или действия.

В качестве исходного момента следует сделать оговорку о том, что вслед за Ф.К. фон Савиньи, по мнению которого законодательная точка зрения в значительной степени совпадает с судебной в тех вопросах, какие законодательство оставило в существенной

мере для научной разработки [7. Р. 28], мы придерживаемся позиции о том, что трактовка принципа наиболее тесной связи на уровне законодательного (как фактора формирования содержания коллизионных норм) и правоприменительного (как общей или специальной коллизионной привязки и корректирующей оговорки) процессов должна быть единой, с такими лишь особенностями, в каких законодательство отличается от правоприменения. Подчеркнем, что в современной отечественной литературе данная точка зрения получает широкое признание [3. С. 315–316; 8. С. 11; 9. С. 9, 56–57].

Ключевым вопросом при реализации территориального подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи (как на законодательном уровне, так и на правоприменительном) является вопрос о том, с чем именно – с государством или с правом – следует выявлять связь конкретного частноправового отношения. При поверхностном восприятии эта дилемма может показаться незначимой, потому что связь с первым автоматически повлечет применение второго, а второе создается первым. Однако в определении критериев наиболее тесной связи данный выбор играет весьма существенную роль.

Так, В.В. Буланов небезосновательно в отдельных случаях, но, с нашей точки зрения, весьма неоднозначно в целом пишет: «Так как государство не может существовать без права, а право – без государства, то *чаще всего* связь имеется одновременно с тем и другим» [10. С. 68]. В приведенном высказывании автор фактически признает, что возможны те *нечастые* случаи, в которых связь имеется с государством, но не с правом либо, наоборот, с правом, но не с государством, однако не проясняет, каким образом это может произойти и каким будет юридическое значение таких особенных связей. Более того, тот же автор делает еще два заявления, которые еще больше усложняют уяснение его позиции по рассматриваемому вопросу. С одной стороны, в рамках анализа Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, ст. 4 которой действительно говорит о праве страны, с которой договор наиболее тесно связан, В.В. Буланов пишет, что «иногда речь может идти о связи скорее с государством, нежели с правом». Более того, автор заявляет: «Искомая связь – скорее связь с государством, нежели с правовой системой; как только связь с государством обнаружена, право этого государства применяется для регулирования договора» [10. С. 51; 11. С. 271–272]. С другой стороны, в рамках анализа принципа наиболее тесной связи как основы определения единого применимого права для группы связанных договоров В.В. Буланов пишет: «Принцип наиболее тесной связи, во всяком случае, в конечном счете, предполагает связь с правом, а не с самим государством» [10. С. 52; 11. С. 272]. Комментируя приведенные противоречивые высказывания автора, укажем, что, с нашей точки зрения, то, с чем необходимо выявлять связь, определяется подходом к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи. Попытку доказать эту взаимосвязь мы предпримем далее.

Территориальный подход в английской судебной практике

В качестве отправной точки рассмотрим получавший широкое признание в английском коллизионном праве тест наиболее близкой и реальной связи (*closest and most real connection* – англ.). Данный тест был установлен в решении Тайного совета по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia* [12], в котором лорд Саймондс указал, что право, свойственное договору, есть *система права*, с которой договор имеет наиболее близкую и реальную связь. Этот тест применялся в отсутствие прямо выраженного соглашения сторон о применимом праве, а также если суд не мог установить право на основании первого теста формулы *Bonython* (систему права, «с отсылкой к которой договор был заключен»).

Следует признать, что во многих случаях правоведы не придают юридического значения терминологии анализируемой формулы. Так, П. Норт, ссылаясь на указанное решение по делу *Bonython* в вопросах договорной ответственности, дает несколько двусмысленный комментарий о том, что таковая «определяется свойственным правом страны, или правовой системой, с которой² (остается неясным, со страной или с правовой системой? – прим. наше. – Т.Н.) договор имеет наиболее близкую и реальную связь» [13. Р. 214].

Вместе с тем отдельные авторы, основываясь на объективном характере теста наиболее близкой и реальной связи, но вступая в прямое противоречие с текстом формулы *Bonython*, настаивают на необходимости искать связи между правоотношением и государством. А. Джаффи, анализируя различные составляющие формулы *Bonython* и подчеркивая исключительно объективный характер теста наиболее близкой и реальной связи, называет в качестве индикаторов последнего «объективные связи со странами» [14. Р. 533]. В свою очередь П. Кинкейд, непосредственно задаваясь вопросом о том, с чем (государством или системой права) нужно искать связи в анализируемом тесте формулы *Bonython*, заявляет, что практика, хотя колебалась, установилась на поиске связей с государством, что, по мнению ученого, логично, так как «тест предполагается быть полностью объективным» [15. Р. 115].

Более того, в примерах английской судебной практики, в которых наиболее близкая и реальная связь предположительно устанавливалась в точном соответствии с формулой *Bonython* именно с «правовой системой», существенное значение имела та или иная степень кристаллизации намерений сторон. В частности, в решении Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*, в котором, как отмечает Дж. Коллиер, «договор имел незначительную связь с Англией, но был проникнут английским правом» [16. Р. 204], лишь лорд Вилберфорс мотивировал решение коллизионного вопроса вторым тестом формулы *Bonython* («наиболее близкой и реальной связью с английским правом»), в то время как подавляющее большинство, лорды Диплок, Роскилл, Брендон из Оакбрука и Брайтман, мотивировали решение первым тестом на том основании, что положения полиса (основанного на типовой форме морского страхового полиса

Ллойда) вели к «неизбежному выводу, что намерение сторон состояло в том, чтобы их взаимные права и обязанности подчинялись английскому праву морского страхования» [17].

В отечественной литературе на расхождении в мнениях судей при коллегиальном рассмотрении дел (в частности в деле *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*) указывает Р.М. Ходыкин [8. С. 137; 18. С. 76]. Однако ученый рассматривает такое расхождение как пример поэтапного вытеснения в английской судебной практике концепции гипотетической воли тестом наиболее близкой и реальной связи. Напротив, мы рассматриваем этот пример как показательный в том смысле, что когда правоотношение связано исключительно с правом, такая связь обуславливается в большинстве случаев соглашением сторон: прямо выраженным либо подразумеваемым (вытекающим из совокупности обстоятельств дела).

Прямое противопоставление двух тестов формулы *Bonython*, обосновывающих противоположные правовые результаты, усматривается в решении Суда королевской скамьи по делу *Rossano v. Manufacturers' Life Insurance Co.* В данном деле судья МакНэйр заключил, что «если бы тест состоял в том... с какой страной сделка имела наиболее близкую и реальную связь», то такой страной мог бы быть Египет, «но если действительный вопрос в том, какое намерение в отношении свойственного [договору] права должно быть приписано сторонам и если ответ на этот вопрос должен быть получен через уяснение того, какова правовая система, с отсылкой к которой договор был заключен или с которой сделка имеет наиболее близкую связь», то таковой «определенно будет не право Египта, а право Онтарио» [19]. Как следствие, правом, свойственным договору, в данном деле было объявлено право Канады.

Конечно же, нельзя не признать, что, как следует из других отрывков решения (последний абзац раздела IX решения), судья МакНэйр в целом стоял на позиции, согласно которой формула *Bonython* по-прежнему ставила вопрос, какое намерение должно быть приписано сторонам. Однако принципиальное разграничение связей со страной, обусловленных территориальными контактами, и связей с правом, обусловленных намерениями сторон, является весьма важным. Более того, следует отметить, что в этом деле один из главных факторов, положенных в основу вывода суда о намерении сторон подчиниться праву Онтарио, состоял в том, что форма полиса была явно основана на праве Онтарио – фактор, который в современной юриспруденции традиционно включается в число показателей соглашения сторон о применимом праве, вытекающего из совокупности обстоятельств дела. Так, в трактате Читти о договорах «форма документов, составленных в отношении сделки» с прямой ссылкой на решение Суда королевской скамьи по делу *Rossano v. Manufacturers' Life Insurance Co.* (и ряд иных примеров английской судебной практики) указывается в качестве одного из факторов, которые могут дать основания для вывода о том, что стороны сделали выбор применимого права [20. С. 2175]. В практике судов Российской Федерации также встречаются дела с использованием типовых

форм документов. Однако в настоящее время подавляющее большинство типовых форм включают в свое содержание оговорку о применимом праве, за счет чего использование такой формы либо отсылка к ней в договоре составляют прямо выраженное соглашение о применимом праве. Например, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа, со ссылкой на п. 2 ст. 414 КТМ РФ и п. 1 ст. 1210 ГК РФ, применил избранные сторонами условия чартера ДЖЕНКОН (в редакции 1994 г.), в соответствии с которыми правоотношения сторон подчинялись английскому праву [21, 22]. Уточним, что проформа чартера ДЖЕНКОН (GENCON) рекомендована Балтийским и Международным Морским Советом (BIMCO – Baltic and International Maritime Council) и в боксе 25 части 1 предусматривает выбор права сторонами (согласно пункту 19 части 2 в отсутствие выбора сторон к отношениям применяется право Англии) [23].

Примечательно, что весьма схожая мотивировка представлена и в решении Верховного Суда Канады по делу *Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares*, в котором суд цитирует широко признанную высшими судами Англии формулу *Bonython* и при этом делает общий вывод о том, что превосходящее значение в данном деле имеет то, что заявки и полисы были изготовлены в Онтарио по общей стандартной форме, соответствующей законам этой провинции. По мнению суда, лицо, подающее заявку на страхование по форме, подготовленной в офисе компании в Онтарио, будет предвидеть, что полис будет регулироваться правом этой провинции, а форма полиса свидетельствует, что страховщик намеревался подчиниться этому праву [24].

Попытка сочленить отмеченные подходы, которая однако не имела успеха, была предпринята в деле *James Miller & Partners, Ltd. v. Whitworth Street Estates (Manchester), Ltd.* [25]. Спор в данном деле вытекал из договора, который «был заключен по проформе Королевского института британских архитекторов» и на основании которого «шотландская компания согласилась осуществить перестройку помещения, занимаемого... английской компанией в Шотландии». Большинство (лорды Гест и Ходсон, а также виконт Дилхорн) считали, «хотя и по различным основаниям, что свойственным договору правом являлось английское право», при этом последние двое обосновывали свой выбор использованием сторонами проформы Королевского института британских архитекторов; меньшинство (лорды Рид и Вилберфорс) считали, что «договор был наиболее тесным образом связан с Шотландией». Таким образом, как обобщает Дж. Чешир, «если бы в качестве критерия выступала “правовая система”, свойственным договору правом могло бы быть сочтено английское право; однако другие факторы более веско говорили в пользу Шотландии». При этом заслуживает внимания то, что лорды Рид и Вилберфорс, усматривавшие наиболее тесную связь договора с Шотландией, также предлагали «сочетать критерии “правовая система” и “право страны”» и на этой основе определять, «какие связи преобладали» [26. С. 262–263]. Указанное предложение хотя и освещается в юридической литературе как таковое [16. Р. 204], не приобрело

поддержки большинства ни непосредственно в Решении палаты лордов по рассматриваемому делу, ни за его пределами. Это можно объяснить тем, что, как отмечается в Трактате Читти о договорах, практическая реализация данного предложения связана со сложностью сочленения двух различных подходов в том случае, когда различие между ними становится юридически значимым и каждый из них ведет к противоположному результату [20. Р. 2178].

Нельзя не признать, что, в сущности, именно о сочленении связей с государством и связей с правом идет речь в том случае, когда современное международное частное право рассматривает принцип наиболее тесной связи в широком смысле (как территориальную локализацию, обогащенную материально-правовыми факторами). Однако ключевое значение в таком сочленении имеет то, что главенствующую роль играет именно территориальная локализация, а материально-правовые факторы (такие как защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки и др.) позволяют лишь перевесить чашу весов в пользу одного из территориально связанных право порядков. Если бы при реализации принципа наиболее тесной связи речь шла исключительно о связях с «правовой системой», как вытекает из буквального значения формулы *Bonython*, то суд, вероятно, выбирал бы «наилучшее» право из всех существующих на Земле вне зависимости от территориальной связи правоотношения с тем или иным государством.

Таким образом, следует заключить, что хотя формула *Bonython* использует словосочетание «правовая система» в отношении обоих устанавливаемых тестов, классическое ее прочтение английской судебной практикой и доктриной относит связи со страной к объективному тесту наиболее близкой и реальной связи на основе территориальных контактов, а связи с правовой системой – к субъективному тесту на основе намерений сторон, позволяющих установить соглашение о применимом праве, вытекающее из совокупности обстоятельств дела. Так, П. Кинкейд пишет: «Если предмет поиска является подразумеваемое намерение сторон, будет подходящим сфокусироваться на связи между *договором* и [правовой] *системой*, поскольку именно об этом думают стороны, когда формируют намерение... Но если второй тест представляет собой попытку “локализовать” вопрос, найти географическую территорию, которой принадлежат факты, и *тогда* применить право, подобрешенное такой локализацией, то это связь между *сделкой* и *страной*, которую следует искать» [15. Р. 115]. Схожее мнение по данному вопросу высказывает Э. Спиро [27. Р. 537].

Конечно же, в этом случае речь идет исключительно о том строго объективном понимании теста наиболее близкой и реальной связи [20. С. 2176–2177], которое сформировала английская юриспруденция на основе формулы *Bonython* и которое к настоящему времени по целому ряду причин (как за счет формального изменения нормативно-правовой базы, так за счет содержательного развития представлений о международном частном праве) подверглось существенному развитию. В первом случае речь идет о трансформации

английского коллизионного регулирования в сфере договоров, которая была запущена, прежде всего, Римской конвенцией о праве, применимом к договорным обязательствам [28], во втором – об общей тенденции к материализации международного частного права [3. С. 213–286].

Тем не менее проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что ядром принципа наиболее тесной связи (тем, что мы предлагаем именовать принципом наиболее тесной связи в узком смысле) был и остается объективный тест территориальной локализации, построенный на изыскании контактов именно с государством (страной), в то время как порожденное общей тенденцией материализации международного частного права обогащение территориального подхода разнообразными материально-правовыми соображениями, безусловно, нацелено на анализ преимуществ того либо иного права и, следовательно, установление связей с правом (правовой системой³).

Территориальный подход в нормах международного частного права

Полагаем, что именно различный характер связей с государством (страной) и правом (правовой системой) лежит в основе обобщения, в соответствии с которым «позицию законодателя относительно предпочтительного подхода к определению наиболее тесной связи можно определить путем анализа» используемой им терминологии: если законодатель говорит о наиболее тесной связи с государством (страной), налицо территориальный подход, а если о связи с правом (правовой системой), речь идет о материально-правовом подходе. А.В. Асосков указывает, что такое мнение распространено в англоязычной литературе, при этом сам ученый полагает, что «различие в лингвистических формулировках не может считаться определяющим» [3. С. 310–311].

Несмотря на то что данное обобщение основывается на сущностном различии наиболее тесной связи в двух приведенных случаях, оно дает неверную установку в том смысле, что допускает изолированное существование двух различных подходов к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи: либо территориального, либо материально-правового. По нашему мнению, исследуемый принцип всегда базируется на территориальном подходе и совершенно без него (по меньшей мере, в текущих условиях) существовать не может. В свою очередь материально-правовой подход не есть полная альтернатива территориальному, но его дополнение. При определенных условиях материально-правовые соображения уточняют, дополняют, корректируют территориальный выбор. Ведь если бы материально-правовой подход, будучи избранным для раскрытия содержания принципа наиболее тесной связи, существовал как единственный и всецело самодостаточный, то правоприменитель оказался бы вынужден игнорировать любые территориальные контакты правоотношения и изыскивать лучшее применимое право из всех существующих на Земле право порядков, в то время как в действительности материально-правовой подход лишь

помогает выбрать лучшее по тем или иным соображениям право из так или иначе территориально связанных правовых порядков.

В настоящий момент возможность выбора абсолютно любого правового порядка, в том числе не связанного территориально с отношением, признается только за самими сторонами на основании принципа автономии воли. На уровне Принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г. (первого в истории Гаагской конференции по международному частному праву юридически необязательного документа) выбор права вне зависимости от какой-либо взаимосвязи с осуществляющими такой выбор сторонами или их сделкой прямо санкционирован п. 4 ст. 2 [30; 31. Р. 7–8, 24]. В Российской Федерации п. 1 ст. 1210 ГК РФ устанавливает, что «стороны договора могут... выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору». При этом, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, на основании данного положения стороны могут выбрать и «право страны, которая не имеет связей с договором или его сторонами» (так называемое нейтральное право) – п. 32 Постановления [2]. Важно указать, что свобода выбора нейтрального права обусловливается, прежде всего, тем, что стороны в этом случае получают право избрать правовой порядок, который с материально-правовой точки зрения лучше всего подходит для регулирования складывающихся между ними отношений. Как подмечает П. Стоун в отношении неограниченной автономии воли в Регламенте Рим I, «логическое обоснование свободы выбора несвязанного права состоит в коммерческой пригодности» [32. С. 301].

Вместе с тем показательный пример учета материально-правовых факторов при конструировании коллизионных норм для отношений между опекуном (попечителем) и лицом, находящимся под опекой (попечительством), устанавливает альтернативу между правом страны, учреждение которой назначило опекуна (попечителя), и российским правом (если таковое является правом страны, в которой лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства) – в зависимости от того, какое из них более благоприятно для последнего, – п. 3 ст. 1199 ГК РФ. Следовательно, анализируемые коллизионные нормы учитывают материально-правовые факторы, всего лишь допуская корректировку коллизионного выбора в пределах двух территориально связанных правовых порядков (места назначения опекуна (попечителя) и места жительства лица, находящегося под опекой (попечительством)).

Именно на этом основании мы предпочитаем говорить не о разных подходах к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи, а о принципе в узком (территориальном) и широком (территориальном, обогащенном материально-правовыми факторами) смыслах. Примечательно, что в рамках анализа материально-правового подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи, исходя, по сути, из тех же соображений, А.В. Асосков признает, что, «возможно, правильнее именовать данный подход смешан-

ным, поскольку... не может идти речь о полном исключении коллизионных (географических) факторов» [3. С. 306]. Автор также справедливо заявляет: «Учет материально-правового результата происходит не среди всех существующих в мире правовых порядков, а только применительно к тем нескольким правовым порядкам, с которыми отношение демонстрирует территориальную (географическую) связь» [3. С. 306]. Тем не менее мы исходим из того, что существование смешанного подхода предполагает существование по меньшей мере двух (а в классификации А.В. Асоскова – трех) самостоятельных подходов, в то время как есть только узкое (территориальное) и широкое (дополненное иными факторами) понимание принципа наиболее тесной связи. По этой причине мы считаем характеристику исследуемого принципа в узком и широком смыслах более удачной, нежели выделение какого-то количества самостоятельных или смешанных подходов к нему.

С учетом изложенных замечаний мы полагаем, что при закреплении принципа наиболее тесной связи в нормах права целесообразно использовать такие термины, как «страна» или «государство». Хотя термин «государство» получает широчайшее признание в юриспруденции в целом (достаточно упомянуть наименование фундаментальной науки и учебной дисциплины «теория государства и права»), термин «страна» по сложившейся традиции в большей степени принят в международном частном праве, в особенности при конструировании привязок коллизионных норм (см. ст. 1186, 1188, 1190, 1192, 1195, 1199, 1201–1203, 1205, 1206–1214, 1217–1219, 1221–1222, 1223–1224 ГК РФ). В этом отношении п. 2 ст. 1186 ГК РФ, оперирующий оборотом «право страны, с которой гражданско-правовое отношение... наиболее тесно связано», полностью соответствует данной установке, адекватно отражая территориальное ядро закрепляемого принципа.

В особенности примечательно, что при разработке данного положения отечественный законодатель отклонился от формулировки Модельного гражданского кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, который был направлен парламентам государств-участников «для использования при разработке национального законодательства» и п. 2 ст. 1194 которого устанавливает, что «применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом» [33]. Более того, именно данную формулировку, указывающую на наиболее тесную связь отношения с правом, восприняли многие государства – члены СНГ, в том числе Республики Армения (п. 2 ст. 1253 Гражданского кодекса Республики Армения [34]), Беларусь (п. 3 ст. 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь [35]), Казахстан (п. 2 ст. 1084 особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан [36]), Таджикистан (п. 2 ст. 1191 ч. 3 Гражданского кодекса Республики Таджикистан [37]), Узбекистан (абз. 3 ст. 1158 ч. 2 Гражданского кодекса Республики Узбекистан [38]), а также Кыргызская Республика (п. 3 ст. 1167 ч. II Гражданского кодекса Кыргызской Республики [39]).

Исключениями являются Республика Молдова и Азербайджанская Республика. В частности, п. 2 ст. 2576 Гражданского кодекса Республики Молдова в качестве общей резервной коллизионной привязки устанавливает, что «применяется закон государства, с которым частноправовое отношение, осложненное иностранным элементом, связано наиболее тесно» [40]. Одобряя принципиально использование термина «государство», вместе с тем, отметим, что как приведенное положение, так и в целом законодательство о международном частном праве Республики Молдова характеризуются использованием термина «закон» для обозначения того регулятора, который будет применяться к частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом. Это прослеживается и в регламентации порядка установления содержания иностранного закона (ст. 2579), и в множестве коллизионных норм (например, п. 1 ст. 2586 устанавливает, что «национальным законом гражданина является закон государства, гражданство которого имеет физическое лицо»). Мы полагаем, что в этих случаях правильнее было бы говорить о применении *права* государства (или страны, в зависимости от того, какая терминология принята для международного частного права), так как по общему правилу привязка коллизионной нормы указывает на применение именно права того или иного государства в целом, включая международные договоры, законы и подзаконные акты, а также признаваемые обычаи. В определенной степени это подтверждается п. 1 ст. 2576 Гражданского кодекса Республики Молдова, согласно которому источниками коллизионных норм являются не только собственно Гражданский кодекс и законы Республики Молдова, но также международные договоры, одной из сторон которых является Республика Молдова, и международные правила, признанные в Республике Молдова. Весьма маловероятно, что Республика Молдова признает самые различные источники коллизионных норм, но при этом ограничивает отсылку коллизионной нормы только законами (отечественными или иностранными), скорее в данном случае термин «закон» используется не в своем прямом значении, а как синоним термина «право». Наконец, Закон Азербайджанской Республики «О международном частном праве» вообще не устанавливает принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки [41].

Напротив, широко известная Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, унифицировавшая в указанной сфере коллизионное регулирование государств-членов Европейских сообществ, включая на тот момент Великобританию (для которой Римская конвенция фактически заместила формулу *Bonython*)⁴, также использовала оборот «регулируется правом страны, с которой он [договор] наиболее тесно связан» (п. 1 ст. 4) [28]. Более того, пришедший на смену Римской конвенции Регламент Рим I, трансформировав принцип наиболее тесной связи из коллизионной привязки для договорных обязательств в резервное правило и корректирующую оговорку в той же области, сохранил терминологический подход в части определения связи правоотношения со страной (п. 3, 4 ст. 4) [44].

Вместе с тем мы убеждены, что не следует абсолютизировать значение той терминологии, которая используется при закреплении принципа наиболее тесной связи. Анализ ряда норм раздела VI ГК РФ, закрепляющих различные формы реализации принципа наиболее тесной связи, а не только нормы ст. 1186, открывающей раздел и устанавливающей этот принцип в качестве общей резервной коллизионной привязки, показывает, что в данном случае отечественный законодатель не проявляет последовательность в использовании терминов. Помимо названного п. 1 ст. 1186 ГК РФ о связи отношения со страной говорится для целей определения права, применимого к смешанному договору (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договору в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ), а о связи отношения с правовой системой – для целей применения права страны с множественностью правовых систем (ст. 1188 ГК РФ). Более того, закрепляя принцип наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений в одном и том же п. 9 ст. 1211 ГК РФ, отечественный законодатель в качестве условия ее применения указывает на то, что «договор более тесно связан с *правом* иной страны», чем та, которая установлена жесткими коллизионными привязками, а в качестве результата – на то, что «подлежит применению право *страны*, с которой договор более тесно связан». Изложенное позволяет заключить, что по меньшей мере в плане юридической техники закрепления принципа наиболее тесной связи законодатель не проводит различия между терминами «страна» и «право» («правовая система»).

Такая же терминологическая непоследовательность присуща Модельному гражданскому кодексу для государств – участников Содружества Независимых Государств. Несмотря на то что, закрепляя принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки, п. 2 ст. 1194 Модельного гражданского кодекса использует оборот «*право*, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями», для того же принципа в качестве коллизионной привязки личного закона лица с множественным гражданством п. 1 ст. 1204 того же документа использует оборот «право *страны*, с которой лицо наиболее тесно связано» (в этом отношении ему следуют п. 1 ст. 1103 Гражданского кодекса Республики Беларусь, п. 1 ст. 1094 особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан, п. 1 ст. 1177 ч. II Гражданского кодекса Кыргызской Республики; незначительно отличающийся оборот «право государства, с которым лицо наиболее тесно связано» использует п. 1 ст. 1262 Гражданского кодекса Республики Армения). Таким же образом для того же принципа в качестве резервной коллизионной привязки в области договорных правоотношений п. 3 ст. 1225 того же документа использует оборот «право *страны*, с которой договор наиболее тесно связан» (в этом отношении ему следует п. 4 ст. 1125 Гражданского кодекса Республики Беларусь; незначительно отличающийся оборот «право государства, с которым договор наиболее тесно связан» использует п. 3 ст. 1285 Гражданского кодекса Республики Армения).

По этой причине, однако с оговоркой, что территориальное ядро принципа наиболее тесной связи обуславливает его понимание, прежде всего, как номинирующего связь отношения с государством (территорией), мы согласимся с мнением А.В. Асоскова о том, что для толкования норм права, закрепляющих исследуемый принцип, «различие в лингвистических формулировках не может считаться определяющим» [3. С. 311]. Ученый подтверждает данный тезис положениями Гаагской конвенции праве, применимом к трастам, и об их признании [3. С. 311]. Мы также отметим, что не только ст. 7 данной конвенции говорит о праве, с которым траст наиболее тесно связан (the law with which it [a trust] is most closely connected – англ.), а ст. 13 – о более тесной связи существенных элементов траста с государствами (a trust the significant elements of which... are more closely connected with States – англ.), но и в рамках только ст. 7 нетрудно обратить внимание на то, что, утверждая в качестве общего правила о связи с правом, она далее устанавливает список контактов, которые могут служить установлению такой связи с правом, а в действительности указывают на территориальные контакты отношения, как-то: с местом управления трастом, местом нахождения доверительной собственности, местом жительства или местом деятельности доверительного собственника, целями траста и местами, где они должны быть достигнуты [45].

Изложенный вывод подтверждается также тем, что в современном международном частном праве признание получает принцип наиболее тесной связи в широком смысле (как территориальная локализация, обогащенная материально-правовыми факторами). Именно в таком ключе принцип наиболее тесной связи, закрепленный в п. 2 ст. 1186 ГК РФ, был разъяснен в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», в соответствии с которым «при определении наиболее тесной связи суд», во-первых, устанавливает «преобладающую территориальную связь» и, во-вторых, «может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов» [2]. Таким образом, необходимость подключения материально-правовых соображений и их юридическое значение должны быть оценены правоприменителем «на основе изучения существа возникших правоотношений сторон, а также совокупности иных

обстоятельств дела» [2], не будучи predetermined терминологически за счет выбора законодателем терминов «страна» или «право».

Заключение

По итогам проведенного исследования необходимо сделать ряд выводов.

Во-первых, принцип наиболее тесной связи базируется на территориальном подходе и совершенно без него существовать не может. При этом материально-правовые факторы (в числе которых защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки и др.) дополняют территориальный подход, перевешивая чашу весов в пользу одного из территориально связанных правовых порядков. На этом основании мы предлагаем вести речь не о разных подходах к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи, а о принципе в узком (территориальном) и широком (территориальном, обогащенном материально-правовыми факторами) смыслах.

Во-вторых, территориальный подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи построен на изыскании контактов с государством (страной), в то время как порожденное общей тенденцией материализации международного частного права обогащение территориального подхода важнейшими материально-правовыми факторами нацелено на анализ преимуществ того или иного права и, следовательно, на установление связей с правом (правовой системой). Тем не менее анализ норм международного частного права позволяет заключить, что при закреплении принципа наиболее тесной связи законодатель не проводит различия между терминами «страна» и «право» и поэтому не следует абсолютизировать значение этой терминологии для уяснения содержания принципа.

В-третьих, в современном международном частном праве признание получает принцип наиболее тесной связи в широком смысле как территориальная локализация, обогащенная материально-правовыми факторами, на что указывает, в частности, п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». При этом, что особенно важно, необходимость подключения материально-правовых соображений и их юридическое значение должны быть оценены правоприменителем «на основе изучения существа возникших правоотношений сторон, а также совокупности иных обстоятельств дела».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определения слов «география» и «территория» приводятся из Большого толкового словаря русского языка [6].

² Толкование авторского текста осложняется тем, что английский язык не знает родов и чисел для местоимения «который» (which – англ.).

³ Хотя большая часть теоретиков права рассматривает понятия «право» и «правовая система» как нетождественные [29. С. 27–34], в данном случае мы употребляем их как условно взаимозаменяемые.

⁴ В Великобритании данная конвенция вступила в силу 1 апреля 1991 г. [42, 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 17 июля. № 154.

3. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М. : М-Логос, 2017. 352 с.
4. Антонов М.В. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2020. 497 с.
5. Иванов Р.Л. Территория и территориальный принцип организации как признаки государства // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 1 (46). С. 6–11.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.05.2020).
7. Friedrich Carl von Savigny, Private International Law. A Treatise on the Conflict of Laws, and the Limits of Their Operation in Respect of Place and Time, translated, with notes, by William Guthrie. Edinburgh : T. & T. Clark, Law Publishers; London : Stevens & Sons, 1869. 387 p.
8. Ходыкин Р.М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 248 с.
9. Шулаков А.А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 206 с.
10. Буланов В.В. Категория наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 143 с.
11. Буланов В.В. Наиболее тесная связь как общий принцип международного частного права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 267–274.
12. Bonython and Others v. Commonwealth of Australia, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.
13. North P.M. Contract as a Tort Defence in the Conflict of Laws // Contemporary Problems in the Conflict of Laws: Essays in Honour of John Humphrey Carlile Morris. Leyden, Boston : A.W. Sijthoff, 1978. P. 214–231.
14. Jaffey A.J.E. The English Proper Law Doctrine and the EEC Convention // The International and Comparative Law Quarterly. 1984. Vol. 33, is. 3. P. 531–557.
15. Kincaid P. Rationalising Contract Choice of Law Rules // Otago Law Review. 1993. Vol. 8, is. 1. P. 93–124.
16. Collier J.G. Conflict of Laws, 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 460 p.
17. Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co., the House of Lords of the United Kingdom [1984] A.C. 50.
18. Ходыкин Р.М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве // Право и международные экономические отношения : сборник статей / под ред. Н.Г. Дорониной. М. : Юрист, 2005. С. 72–84.
19. Rossano v. Manufacturers' Life Insurance Co., Queen's Bench Division of the High Court [of England and Wales] [1963] 2 Q.B. 352.
20. Hugh Beale (ed), Chitty on Contracts, Volume I (General Principles). 31st ed. (Sweet & Maxwell, Thomson Reuters, 2012) 2 480 p.
21. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 сентября 2016 г. № Ф08-4231/2016 по делу № А53-21855/2015 // СПС КонсультантПлюс.
22. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 ноября 2015 г. № Ф08-8000/2015 по делу № А53-22068/2014 // СПС КонсультантПлюс.
23. GENCON 1994 // Официальный сайт Балтийского и Международного Морского Совета. URL: <https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts> (дата обращения: 01.05.2020).
24. Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares, Supreme Court of Canada [1967] S.C.R. 443.
25. James Miller & Partners, Ltd. v. Whitworth Street Estates (Manchester), Ltd., House of Lords of the United Kingdom [1970] A.C. 583.
26. Чешир Дж., Норт П. Международное частное право / пер. с англ. С.Н. Андрианова; ред. и вступ. ст. М.М. Богуславского. М. : Прогресс, 1982. 496 с.
27. Spiro E. The Proper Law of the Contract and Renvoi: Further Comments on the Amin Rasheed Shipping Case // The International and Comparative Law Quarterly. 1984. Vol. 33, is. 1. P. 199–202.
28. Convention on the Law applicable to Contractual Obligations of 19 June 1980 (Rome) // Treaty Series. Volume 1605. New York : United Nations, 1997. P. 59–156.
29. Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.
30. Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, Записка Секретариата к Сорок восьмой сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (Вена, 29 июня – 16 июля 2015 г.) от 15 апреля 2015 г. A/CN.9/847 // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).
31. Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Hague: The Hague Conference on Private International Law Permanent Bureau, 2015. URL: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).
32. Stone P. EU Private International Law, 2nd ed. Elgar European Law – Edward Elgar, 2010. 562 p.
33. Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О модельном гражданском кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств (часть третья)» от 17 февраля 1996 г. № 7-4 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10.
34. Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 // Официальные ведомости Республики Армения. 10 августа 1998 г. № 17 (55).
35. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-3 // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.
36. Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть) от 01 июля 1999 г. № 409-І ЗРК // Казахстанская правда. 1999. 17 июля. № 172–173 (22889–22890); 20 июля. № 174 (22891); 22 июля. № 175 (22892); 23 июля. № 176–177 (22893–22894); 24 июля. № 178 (22894); 27 июля. № 179–180 (22896–22897).
37. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть третья) от 01 марта 2005 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005. № 3. Ст. 124.
38. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) от 29 августа 1996 г. № 256-І // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 1996. № 11–12. Ст. 1.
39. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть II) от 05 января 1998 г. № 1 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1998. № 6. Ст. 226.
40. Гражданский кодекс Республики Молдова от 06 июня 2002 г. № 1107-XV // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. 22 июня. № 82–86.
41. Закон Азербайджанской Республики «О международном частном праве» от 6 июня 2000 г. № 889-ІГ // Газета Азербайджан. 2000. 29 октября. № 249.
42. Contracts (Applicable Law) Act 1990 [of the United Kingdom]. 1990. С. 36.
43. The Contracts (Applicable Law) Act 1990 (Commencement No. 1) Order 1991 [of the United Kingdom]. 1991. № 707 (С. 16).
44. Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. 4.7.2008. L 177. P. 6–16.
45. Convention on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition of 01 July 1985 // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (дата обращения: 01.05.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 июля 2020 г.

The Territorial Approach to the Content of the Closest Connection Principle

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 251–260.

DOI: 10.17223/15617793/464/28

Tatiana V. Novikova, North Caucasian Branch of Russian State University of Justice (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: tnovikova@inbox.ru

Keywords: closest connection principle; territorial approach; territorial localization; material law approach; material law factors; conflict of laws.

The main aim of the research is to substantiate the predominant role of the territorial approach to the content of the closest connection principle. The research is conducted in three steps. Firstly, the title “territorial” (instead of “conflict of laws”) approach is defended. Secondly, the objective test of the closest and most real connection defined by the *Bonython* formula, which was elaborated in English case law, is analysed. Thirdly, the norms of the private international law of the Russian Federation, other states members of the Commonwealth of Independent States, and the European Union reflecting the closest connection principle are also analysed. As a result of the research, the following conclusions are formulated. Firstly, the closest connection principle is based on the territorial approach and absolutely cannot function without it. At the same time, material law factors (including weaker party protection, *lex validatis*, etc.) supplement the territorial approach being able to tip the scale in favour of one of the territorially connected legal orders. On this basis, the author proposes to consider the closest connection principle in narrow (territorial) and broad (territorial, supplemented by material law factors) senses instead of various approaches to its content. Secondly, the territorial approach to the content of the closest connection principle is based on search for contacts with a state (country), whereas the territorial approach enrichment with overriding material law factors, caused by the general trend of private international law materialization, is aimed at the analysis of one or another law’s preferences and consequently at the revelation of links with law (system of law). Nevertheless, the analysis of norms of private international law allows concluding that, when prescribing the closest connection principle, the legislator does not make a distinction between terms “country” and “law”, and therefore one should not overemphasise these terms in attempts to understand the content of the principle. Thirdly, modern private international law acknowledges the closest connection principle in broad sense as territorial localization supplemented by material law factors, which is indicated in particular by para. 6 of the Supreme Court of the Russian Federation Regulation “On the Application of Norms of Private International Law by the Courts of the Russian Federation”. What is specifically important, the necessity to add material law considerations and their legal weight should be evaluated by the court on the basis of analysing the substance of the existing legal relations between the parties as well as the aggregate of other circumstances of the case.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2001) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* (chast’ tret’ya) ot 26 noyabrya 2001 g. № 146-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 146-FZ]. *Sobranie zakonodatel’sstva RF*. 49. Art. 4552.
2. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09 iyulya 2019 g. № 24 “O primeneni norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossiyskoy Federatsii” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 09, 2019, No. 24 “On the application of the norms of private international law by the courts of the Russian Federation”]. 17 July. 154.
3. Asoskov, A.V. (2017) *Osnovy kollizionnogo prava* [Basics of conflict of law]. Moscow: M-Logos.
4. Antonov, M.V. (2020) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook and student book for universities]. Moscow: Yurayt.
5. Ivanov, R.L. (2016) Territory and territorial principle of organization as signs of the state. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*. 1 (46). pp. 6–11. (In Russian).
6. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol’shoy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. [Online] Available from: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (Accessed: 01.05.2020).
7. Von Savigny, F.C. (1869) *Private International Law. A Treatise on the Conflict of Laws, and the Limits of Their Operation in Respect of Place and Time*. Translated, with notes, by William Guthrie. Edinburgh: T. & T. Clark, Law Publishers; London: Stevens & Sons.
8. Khodykin, R.M. (2005) *Printsipy i faktory formirovaniya soderzhaniya kollizionnykh norm v mezhdunarodnom chastnom prave* [Principles and factors of formation of the content of conflict of laws in private international law]. Law Cand. Diss. Moscow.
9. Shulakov, A.A. (2013) *Printsipy naibolee tesnoy svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave* [The principle of the closest connection in private international law]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Bulanov, V.V. (2012) *Kategoriya naibolee tesnoy svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave* [The category of the closest connection in private international law]. Law Cand. Diss. Moscow.
11. Bulanov, V.V. (2012) Naibolee tesnaya svyaz’ kak obshchiy printsip mezhdunarodnogo chastnogo prava [The closest connection as a general principle of private international law]. *Aktual’nye problemy rossiyskogo prava*. 2. pp. 267–274.
12. Bonython and Others v. Commonwealth of Australia, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.
13. North, P.M. (1978) Contract as a Tort Defence in the Conflict of Laws. In: *Contemporary Problems in the Conflict of Laws: Essays in Honour of John Humphrey Carlile Morris*. Leyden, Boston: A.W. Sijthoff. pp. 214–231.
14. Jaffey, A.J.E. (1984) The English Proper Law Doctrine and the EEC Convention. *The International and Comparative Law Quarterly*. 33 (3). pp. 531–557.
15. Kincaid, P. (1993) Rationalising Contract Choice of Law Rules. *Otago Law Review*. 8 (1). pp. 93–124.
16. Collier, J.G. (2001) *Conflict of Laws*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
17. The House of Lords of the United Kingdom. (1984) *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.* A.C. 50.
18. Khodykin, R.M. (2005) Istoriya i razvitie kontseptsii naibolee tesnoy svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave [History and development of the concept of the closest relationship in private international law]. In: Doronina, N.G. (ed.) *Pravo i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya* [Law and international economic relations]. Moscow: Yurist”. pp. 72–84.
19. Queen’s Bench Division of the High Court [of England and Wales]. (1963) *Rossano v. Manufacturers’ Life Insurance Co.* 2 Q.B. 352.
20. Hugh Beale (ed.) (2012) *Chitty on Contracts*. Volume 1 (General Principles). 31st ed. Sweet & Maxwell, Thomson Reuters.
21. Consultant Plus. (2016) *Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of September 22, 2016, No. F08-4231/2016 in Case No. A53-21855/2015*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=121001>. (In Russian).
22. Consultant Plus. (2015) *Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of September 22, 2016, No. F08-4231/2016 in Case No. A53-21855/2015*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=113757>
23. Baltic and International Maritime Council. (2020) *GENCON 1994*. [Online] Available from: <https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts> (Accessed: 01.05.2020).
24. Supreme Court of Canada. (1967) *Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares*. S.C.R. 443.
25. House of Lords of the United Kingdom. (1970) *James Miller & Partners, Ltd. v. Whitworth Street Estates (Manchester), Ltd.* A.S. 583.

26. Cheshire, J. & North, P. (1982) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International]. Translated from English by S.N. Andrianov. Moscow: Progress.
27. Spiro, E. (1984) The Proper Law of the Contract and Renvoi: Further Comments on the Amin Rasheed Shipping Case. *The International and Comparative Law Quarterly*. 33 (1). pp. 199–202.
28. UN. (1997) Convention on the Law applicable to Contractual Obligations of 19 June 1980 (Rome). In: *Treaty Series*. Vol. 1605. New York: United Nations. pp. 59–156.
29. Alekseev, S.S. (1980) Pravo i pravovaya sistema [Law and legal system]. *Pravovedenie*. 1. pp. 27–34.
30. Hague Conference on Private International Law. (2015) *Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. Secretariat note to the Forty-Eighth Session of the United Nations Commission on International Trade Law (Vienna, 29 June-16 July 2015) of 15 April 2015 A/CN.9/847*. [Online] Available from: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (Accessed: 01.05.2020). (In Russian).
31. Hague: The Hague Conference on Private International Law Permanent Bureau. (2015) *Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts*. [Online] Available from: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf> (Accessed: 01.05.2020).
32. Stone, P. (2010) *EU Private International Law*. 2nd ed. Elgar European Law.
33. *Informatsionnyy byulleten' Mezhpapramentskoy assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG*. (1996) Postanovlenie Mezhpapramentskoy assamblei gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv “O model'nom grazhdanskom kodekse dlya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv (chast' tret'ya)” ot 17 fevralya 1996 g. № 7-4 [Resolution of the Interparliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States “On a Model Civil Code for Member States of the Commonwealth of Independent States (Part Three)” of February 17, 1996, No. 7-4]. 10.
34. *Ofitsial'nye vedomosti Respubliki Armeniya*. (1998) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Armeniya ot 28 iyulya 1998 g. № ZR-239 [Civil Code of the Republic of Armenia No. ZR-239 of July 28, 1998]. 10 August. 17 (55).
35. *Vedomosti Natsional'nogo sobraniya Respubliki Belarus'*. (1999) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus' ot 07 dekabrya 1998 g. № 218-Z [Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998, No. 218-Z]. 7–9. Art. 101.
36. *Kazakhstanskaya pravda*. (1999) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan (osobennaya chast') ot 01 iyulya 1999 g. № 409-I ZRK [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special Part) of July 01, 1999, No. 409-I ZRK]. 17 July. 172–173 (22889–22890); 20 July. 174 (22891); 22 July. 175 (22892); 23 July. 176–177 (22893–22894); 24 July. 178 (22894); 27 July. 179–180 (22896–22897).
37. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. (2005) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Tadzhikistan (chast' tret'ya) ot 01 marta 2005 g. [Civil Code of the Republic of Tajikistan (Part Three) of March 01, 2005]. 3. Art. 124.
38. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan*. (1996) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Uzbekistan (chast' vtoraya) ot 29 avgusta 1996 g. № 256-I [Civil Code of the Republic of Uzbekistan (Part Two) of August 29, 1996, No. 256-I]. 11–12. Art. 1.
39. *Vedomosti Zhogorku Kenesha Kyrgyzskoy Respubliki*. (1998) Grazhdanskiy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki (chast' II) ot 05 yanvarya 1998 g. № 1 [Civil Code of the Kyrgyz Republic (Part II) of January 05, 1998, No. 1]. 6. Art. 226.
40. *Ofitsial'nyy monitor Respubliki Moldova*. (2002) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Moldova ot 06 iyunya 2002 g. № 1107-XV [Civil Code of the Republic of Moldova of June 06, 2002, No. 1107-XV]. 22 June. 82–86.
41. *Gazeta Azerbaydzhan*. (2000) Zakon Azerbaydzhanskoy Respubliki “O mezhdunarodnom chastnom prave” ot 6 iyunya 2000 g. № 889-IG [Law of the Republic of Azerbaijan “On private international law” of June 6, 2000, No. 889-IG]. 29 October. 249.
42. United Kingdom. (1990) *Contracts (Applicable Law) Act 1990 [of the United Kingdom]*. 1990. C. 36.
43. United Kingdom. (1991) *The Contracts (Applicable Law) Act 1990 (Commencement No. 1) Order 1991 [of the United Kingdom]*. No. 707 (C. 16).
44. *Official Journal of the European Union*. (2008) Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I). 4.7.2008. L 177. pp. 6–16.
45. Hague Conference on Private International Law. (1985) *Convention on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition of 01 July 1985*. [Online] Available from: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (Accessed: 01.05.2020).

Received: 24 July 2020